

Сара Млиновски

Что
на свете
всех
милее?

Бестселлер
для
девочек

Сара Млиновски
Кто на свете всех милее?

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.111-34-053.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

Млиновски С.

Кто на свете всех милее? / С. Млиновски — «Издательство АСТ», 2012

ISBN 978-5-17-094581-8

<p id="_GoBack">А вы знаете, что будете делать, если попадёте в сказку?</p> <p> Не правда ли, обидно – в школе учат всему, кроме этого. И я тоже жила обычной жизнью, ходила в школу, переехала с родителями в другой город... а потом нас с братом заглотило зеркало в подвале.</p> <p> А дальше лес, и странная старушка в чёрном плаще с корзинкой идёт к маленькому домику, чтобы продать живущей в нём девочке вкусное красное яблоко... Ничего не напоминает? Не переживайте, я тоже не сразу поняла! А когда поняла, было уже поздно. Мы спасли Белоснежку.</p> <p> Мы спасли Белоснежку, и значит, теперь её не положат в хрустальный гроб, и принц не придёт, и конец у сказки будет... совсем другой.</p> <p> Похоже, придётся нам исправлять то, что мы натворили...</p>

УДК 821.111-34-053.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-094581-8

© Млиновски С., 2012

© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Пролог. Это не шутка	6
Первая глава. Начало	7
Вторая глава. Неприятное пробуждение	9
Третья глава. Зеркало-зеркало, привинченное к стене	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сара Млиновски

Кто на свете всех милее?

© Sarah Mlynowski, 2012.

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог. Это не шутка

Было время, когда я жила обычной жизнью.

А потом нас заглотило зеркало в подвале.

Думаете, шучу? Считаете, что я всё это выдумываю?

Так ведь?

Вы скажете: «Хм, Эбби, зеркалам не свойственно пожирать людей. Они просто висят себе на стене и отражают все, что видят».

Но вы ошибаетесь. Очень сильно ошибаетесь!

Всё, что я вам расскажу, правда и ничего, кроме правды. Я ничегошеньки не выдумываю. И я не лгунья и не сумасшедшая, которая только думает, что говорит правду, хотя на самом деле это не так. Вообще-то я очень логичная. И справедливая. Это необходимо, раз уж я решила стать судьёй, когда вырасту. То есть сначала я стану юристом, а уж потом судьёй, потому что для этого надо выучиться на юриста. Таковы правила.

Так что да, я – чрезвычайно разумная, практичная и совсем*не* сумасшедшая десятилетняя девочка, чья жизнь начала кипеть событиями после того, как пришлось переехать вместе с родителями в Смитвилль.

Всё ещё не верите? Поверите, когда я выложу все факты. Поверите, когда узнаете всю историю целиком.

Пожалуй, я начну с самого начала.

Первая глава. Начало

Прозвенел звонок на перемену, и ребята из моего пятого класса решили поиграть в салочки. «Эники, беники ели вареники» – и вышло так, что я вожу. Я, новенькая. Чудно!

На самом деле нет.

Я закрыла глаза на десять (ладно, на пять) секунд, чтобы дать одноклассникам фору, и побежала искать. Я сразу же заметила Пенни: она очень высокая. Точнее, выше меня. Хотя, конечно, много кто выше меня. На Пенни ярко-оранжевая толстовка, её сложно не заметить. Я пока что не выучила имена всех своих одноклассников, но имя Пенни запомнить просто: она всегда убирает волосы в конский хвост, и я думаю про себя: «Пенни пони, Пенни пони, Пенни пони».

Я бросилась к ней и осалила, дотронувшись до локтя.

– Ты водишь, Пенни-пони! То есть Пенни.

– М-м, нет. Я заледенела, – ответила Пенни, как-то странно на меня взглянув.

О чём это она? Не так уж сегодня холодно. И её толстовка вроде бы довольно тёплая.

– Что? – переспросила я.

– Ты меня осалила, и я заледенела, – наморщила лоб Пенни.

– Не-е-ет, – протянула я. – Я водила, осалила тебя, поэтому теперь водишь ты. И ты должна осалить кого-нибудь другого, чтобы заставить его водить. В этом же суть салочек: осаленный водит.

– Водящий должен осалить *всех*, – ответила Пенни. Она говорила так, словно знала об этой игре больше меня, и у меня запылали щёки. Что она себе воображает! – А тот, кого осалят, застывает как ледышка. Тот, кого осалят последним, – водит в новой игре. Это ледяные салочки. Понятно?

Водит тот, кого осалили ПОСЛЕДНИМ?.. Но ведь если тебя осалили последним, значит, ты – лучший игрок. А если ты – лучший игрок, то должен исполнить танец победителя, пока остальные кидают в тебя конфетти. Ты не должен водить, потому что это вовсе и не награда.

У меня упало сердце. Если я буду водить, пока не осалю всех своих одноклассников до последнего, эта игра будет длиться вечность.

Вот что: я пытаюсь начать всё сначала и привыкнуть к новой школе. Но разве это возможно, когда всё здесь делается абсолютно неправильно?

Позвольте ознакомить вас с материалами дела.

1. Все жители Смитвилля называют колу, пепси и фанту газировкой. Разве это не дико? Куда лучше сказать «шипучка». Пш-ш, пш-ш-ш, пш-ш-ш! Кола шипит на языке, а не газирруется.

2. Никто из местных не знает, как делать сэндвичи с бананом и арахисовым маслом. Надо нарезать банан кружочками и выложить их на хлеб, смазанный арахисовым маслом. Желательно аккуратными и ровными рядами. Но ребята из моей новой школы разминают банан, смешивают с ложкой арахисового масла и вываливают эту безобразную мешанину на хлеб. Зачем, ну зачем они так делают?

3. А теперь они ещё и хотят играть в «Давайте-будем-стоять-как-ледяные-скульптуры-пока-Эбби-бегаёт-туда-сюда» вместо салочек.

Дамы и господа присяжные!

Я не хочу называть шипучку газировкой.

Не хочу есть отвратительное бананово-арахисовое месиво.

Не хочу водить.

– Я более чем уверена, что мой способ игры – правильный, – сказала я сдавленно. Я права. Я.

– Нет, – заявила Пенни. – Я заледенела. А ты лучше давай води, а то будет ещё сложнее.

Слёзы начали жечь мне глаза. Я не хотела, чтобы становилось ещё сложнее. Я хотела, чтобы всё было как раньше. Как надо!

– Нет, спасибо, – осторожно произнесла я, стараясь не выдать своих слёз, хотя могло прозвучать слегка плаксиво. Или нервно. Или, может быть, капризно.

– Ты не будешь играть? – спросила Пенни, удивлённо подняв брови. – Только потому, что не смогла настоять на своём?

– Нет! Просто я... устала. – Это даже не ложь. Я и правда устала. Устала от того, что здесь всё по-другому. Почему нельзя вернуть всё как было?

Я подошла к миссис Голдмен, учительнице, которая приглядывала за нами, пока мы играли, и спросила у неё, можно ли мне пойти в библиотеку.

– Ты хотела сказать медиазал, милая? – спросила она.

Я жалась ещё сильнее. Они даже библиотеку библиотекой не называют?

Но стоило переступить порог «медиазала», как у меня отлегло от сердца и я глубоко вдохнула. Ахх.

Может, в Смитвилле комнату, заполненную книгами, и называют медиазалом, но пахнет она точно так же, как библиотека в моей старой, нормальной школе. Застоявшимся воздухом. Пылью. Бумагой.

В библиотеке – то есть, простите, медиазале – на полках стояли знакомые мне книги. Я их читала раньше. И часто, очень часто перечитывала.

Я расслабилась. Знаете почему? Не важно, сколько раз перечитываешь книгу – она не изменится.

Любовь к книгам у меня от бабушки. Она постоянно читала мне вслух. Она – профессор литературы в университете Чикаго, в нормальном месте, где мы жили раньше.

От мыслей о моём прежнем доме защемило в груди. Мои далёкие друзья. Бабушка. *Правильный* сэндвич с бананом и арахисовым маслом.

Отбросив грустные мысли, я пробежалась пальцами по книжным корешкам. И остановилась, положив руку на сборник под названием «Сказки». Там хорошее хорошо, плохое плохо, всё логично, и пятиклассницы не должны водить вечность.

Я вздохнула с облегчением. Прекрасно!

Вторая глава. Неприятное пробуждение

Сегодня мне снятся мои старые друзья. Мы играем в салочки, в нормальные салочки. И тут кто-то зовёт меня:

– Эбби! Эбби! Эбби!

Я приоткрыла один глаз и увидела Джону, моего семилетнего братика, так что я натянула одеяло на голову. Конечно, я его люблю, но я растущий организм. Мне нужен сон.

Джона забрался под одеяло, прижался к моему уху губами и продолжил бубнить:

– Эбби, Эбби, Эбби, Эбби, Эбби, ЭББИ!

Я простонала.

– Джона! Я сплю!

– Проснись, проснись, проснись!

Ему обязательно повторять всё по десять раз? Есть чёткая грань между настойчивостью и надоедливостью.

– Ложись спать, – приказала я. Да, мне говорили, что я люблю покомандовать, но послушайте, сейчас же глубокая ночь. К тому же как старшая сестра я просто обязана вразумлять его. Так что я всего лишь выполняю свой сестринский долг.

И ещё я должна следить за тем, чтобы он ел овощи.

Как-то раз во время обеда я поймала его на том, что он прятал брокколи в носок. Я наябедничала, а потом почувствовала себя виноватой и поделилась с ним шоколадным печеньем.

– Но зеркало шипит! – сказал Джона.

Я сощурилась. Что? Я даже не понимаю, что он хочет сказать.

– Джона, зеркала не шипят. Они вообще звуков не издают. Если только ты их не разобьёшь.

Минуточку. Я рывком поднялась с подушки.

– Ты разбил зеркало? Это к беде!

– Да нет. – Джона как-то странно скривил губы, как он иногда это делает. – Ну, может быть.

– Джона! Какое? – Я свесила ноги с кровати. Хоть бы это не оказалось моё розовое ручное зеркальце. То самое, с которым я как-то застала брата, когда он рассматривал в нём свои пальцы на ногах.

– Большое, то, что внизу.

– Серьёзно? Страшное зеркало из подвала? – Я поняла, что сорвалась на крик, и постаралась говорить тише, чтобы не разбудить родителей. – Что ты делал в подвале поздно ночью?

В этом зеркале есть нечто странное. Кажется, что оно следит за мной, куда бы я ни пошла. Как глаза на картине «Мона Лиза». Но это, конечно, бессмыслица. Зеркала не могут ни за кем следить. Они же не живые.

– Я его исследовал, – пожал плечами Джона.

Я взглянула на будильник.

– Сейчас одиннадцать пятьдесят две! – Я ощутила тяжесть на запястье и поняла, что забыла снять часы перед сном. Я включила подсветку на циферблате. Часы показывали то же самое время – одиннадцать пятьдесят две.

Джона снова пожал плечами.

Он всегда всё исследует. Даже странно, что мы родственники. Ведь мы такие разные. Я люблю читать – он любит приключения. Мне нравится валяться с книжкой в постели, ему – карабкаться по скалам. Нет, правда. Мама водит его на уроки по скалолазанию каждое воскресенье.

Я терпеливо вздохнула.

– Цвет был зелёный? – спросила я брата. Дело в том, что, когда Джоне было три года, папа подарил ему часы, которые меняли цвет. Они были красными ночью и зеленели в семь утра. Джоне полагается лежать в кровати, пока часы не станут зелёными. Но у него туго с соблюдением правил. Или с цветами.

– Я умею определять время, – обиделся Джона.

– Тогда зачем ты меня разбудил?

– Цвет был фиолетовым. Я хотел, чтобы ты тоже посмотрела. – Он поманил меня рукой.

– Пошли-пошли!

Что? Фиолетовый?

Я вздохнула. Что за дела! Встала с кровати, влезла в полосатые тапочки и пошла за братом.

– погоди! – крикнула я, заметив его босые ноги, и подтолкнула Джону к двери его комнаты – она рядом с моей. – Ты должен обуться, мистер. Я не хочу, чтобы ты порезал ногу о стекло.

– Но там нет стекла.

Он разбил зеркало, а стекла нет? Я указала ему на шкаф.

– Обуйся! – Я обязана защищать своего брата целиком. Даже его вонючие ноги.

В комнате Джоны было светло из-за светящихся в темноте звёзд, приклеенных к потолку, *икрасных* часов. Не фиолетовых. Красных. Джона взял свои кроссовки с нижней полки шкафа и обулся.

– Теперь довольна? Ну пошли, пошли!

– Тише! – скомандовала я. Дверь в комнату родителей закрыта, но она не так далеко от нас. Мама точно не обрадуется, если мы её разбудим. (Однажды она рассердилась на моё замечание о том, что она приехала забрать меня из школы на шесть минут и сорок пять секунд позже назначенного времени. Я не хотела её обидеть! Но у моих часов такой классный таймер, и для чего же ещё его использовать, если не для того, чтобы сообщать, на сколько она опоздала?)

Мы спустились вниз по ступенькам. Они скрипели. Очень громко. Наконец я протянула руку к двери подвала.

И застыла. Так, как будто меня – ну да, осалили. По правде говоря, я не самая храбрая девочка на свете. А сейчас поздно. И мы идём в подвал.

Мне больше нравится читать о приключениях, а не участвовать в них.

– Что не так? – спросил Джона, проскальзывая между мной и стеной. – Ну же, ну же, ну же!

Я глубоко вдохнула, включила в подвале свет и закрыла за собой дверь.

Третья глава. Зеркало-зеркало, привинченное к стене

Шаг. *Скрип.*

Второй. *Скрип!*

Третий. *Скри-и-ип!*

Я остановилась в самом низу лестницы и пригляделась к огромному жуткому зеркалу на дальней стене подвала. Оно всё такое же огромное и жуткое и к тому же – совершенно целое.

– На зеркале нет ни трещинки, – сказала я. Мы возвращаемся. Немедленно.

– Я и не говорил, что оно треснуло, ответил Джона. – Я сказал, что оно шипело. – Брат подошёл к зеркалу так близко, что стекло затуманилось от его дыхания. – Наверное, перестало, когда я ушёл.

Я осталась стоять где стояла, вглядываясь в каждую деталь старинного зеркала, оставленного здесь прежними владельцами. Оно вдвое больше меня. Стекло чистое и ровное. На каменной раме вырезаны крылатые феи с волшебными палочками. Не понимаю, почему прежние хозяева не забрали его с собой. Разве что потому, что оно... ну да, жуткое. И привинчено к стене тяжёлыми болтами вроде тех, что торчат из шеи чудовища Франкенштейна.

В зеркале видны мои кудрявые каштановые волосы до плеч. Лаймово-зелёная пижама. Полосатые тапочки. Но в моём отражении что-то не так, и я отворачиваюсь. Не знаю, что именно не так, но оно странное.

– Оно не шипит, – говорю я, оглядывая подвал. Чёрный кожаный диван. Письменный стол. Компьютерное кресло. Бесконечные ряды полок, уставленных старыми родительскими книгами по юриспруденции, которые они даже не открывали, но выбрасывать не хотели. Они оба юристы. В отличие от меня, никто из них не хочет быть судьёй.

К вашему сведению: из меня получится отличный судья, потому что я обожаю мир и порядок. Я прослежу за тем, чтобы всё было справедливо. Нечестно, когда злые люди живут припеваючи или когда с добрыми происходит что-то плохое.

Например, родители заставляют переехать в Смитвилль.

– Надо постучать, – оторвал меня от раздумий Джона.

– Ты о чём?

– По зеркалу, – нахмурился он. – Постучи.

Я засмеялась.

– Не буду я стучать по зеркалу! Зачем вообще по нему стучать?

– В случае опасности! Понимаешь, я играл в летающего крокодила, и...

– Что за летающий крокодил?

– Новая интересная игра, я сам её придумал. Я – пират, и за мной гонятся крокодилы, но они ещё и летать умеют, и...

– Не важно. – Зря я спросила. – И при чём здесь зеркало?

– Ну, когда я убегал от одного из летающих крокодилов...

– Воображаемых летающих крокодилов.

– ...когда я убегал от одного из воображаемых летающих крокодилов, я споткнулся и ударился об это не воображаемое зеркало. Это было похоже на стук. Я сделаю так ещё раз. Готова?

К чему? Я готова вернуться в свою уютную кроватку. Но ему я сказала:

– Давай.

Он постучал.

Мы ждали. Ничего не случилось.

– Ничего не происходит, – заметила я.

Тут я услышала тихое шипение.

Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш.

Я напряглась. Не люблю, когда на меня шипят. Особенно зеркала.

– Джона?..

– Слышишь? Теперь смотри, что будет, когда я постучу ещё раз!

Он постучал, и из зеркала полился тёплый свет. Тёплый *фиолетовый*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.